

«СО МНОЙ БУДУТ СКИФЫ...»:
СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ КОННЫЕ ЛУЧНИКИ В АРМИИ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

А.А. Клейменов, С.С. Иванов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия*

alek-klejmenov@yandex.ru

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизия,
sak@yandex.com*

Аннотация. Статья посвящена контингенту конных лучников, присутствовавшему в армии Александра Македонского в период его азиатской экспедиции. Определяется, что появление нового рода конницы в войске завоевателя было результатом подчинения среднеазиатских территорий. Отряд конных лучников, игравший заметную роль в Индийской кампании Александра, следует воспринимать как отборное подразделение, укомплектованное дахами и массагетами – среднеазиатскими кочевниками, вошедшими в армию македонского царя в качестве наемников. Тысячный отряд этих всадников, экипированных луками «скифского» типа и клинковым оружием ближнего боя, быстро инкорпорировался в армию Александра, войдя в число наиболее часто использовавшихся подразделений наряду с македонской пехотой, конницей гетайров и агрианами. Залогом этого были высокие боевые качества кавалерии среднеазиатских номадов и особенности полководческого искусства самого Александра, в котором большое значение отводилось использованию мобильных корпусов, укомплектованных наиболее боеспособными и подвижными подразделениями. В период Индийской кампании в состав подобных соединений начали включаться конные лучники. Тактика использования последних базировалась на традиционно сильных сторонах среднеазиатской легковооруженной конницы, таких как маневренность и хорошее владение дистанционным оружием. В рамках сражения при Гидаспе 326 г. до н.э. конные лучники, интенсивно обстреливая противника, ослабили его перед решительной атакой ударной тяжелой конницы Александра. Также среднеазиатские номады неоднократно использовались для сковывания действий врага на период перегруппировки войск Александра. Констатируется, что включение конных лучников в армию завоевателя не привело к значительному изменению военного искусства Александра, однако позволило усовершенствовать уже хорошо освоенные методы ведения военных действий.

Ключевые слова: Александр Македонский, военное дело, тактика, конные лучники, скифы, дахи, массагеты

Клейменов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Иванов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына.

Работа подготовлена в рамках Государственного задания №33.6496.2017/ 8.9

Успехи армии Александра Македонского, прошедшей с боями от Дарданелл до устья Инда, связаны со многими факторами. Здесь можно назвать профессионализм воинов и командиров, вместе с Филиппом II превративших периферийное Македонское царство в ведущую державу Балкан, эффективность тактических схем, проверенных на европейских полях сражений, высокое полководческое дарование самого Александра. Впрочем, не меньшее значение имел заложенный в македонской военной системе потенциал для развития, который Александр использовал для совершенствования приемов и методов ведения военных действий. Одним из самых ярких проявлений последней тенденции было включение в состав войска завоевателя экипированных луками всадников, являвшихся распространенным на Востоке, но чрезвычайно редким для Македонии и Греции родом конницы.

Проблема времени появления у Александра конных лучников представляется запутанной лишь на первый взгляд. Данные об их наличии в македонском войске в период борьбы с персидским царем Дарием III фрагментарны и противоречивы. Так, Курций Руф упоминает 1000 конных лучников (*et sagittariis equitibus*) (Curt. V. 4. 14) в рассказе о действиях Александра, направленных на деблокирование «Персидских ворот» зимой 331–330 гг. до н.э. О присутствии в армии Александра конных лучников в более раннее время сообщается в одной из версий сочинения Псевдо-Каллисфена, согласно которой у македонского царя уже в начале похода было 70 000 конных лучников (ἰπποτοξόται) присланных скифами (Ps.-Call. I. 26)¹. Эти сведения натолкнули часть специалистов на выводы о наличии стрелков-кавалеристов у Александра либо к началу азиатской экспедиции², либо к зиме 331–330 гг. до н.э.³ Подобного рода заключения не выдерживают критики, так как опираются на ненадежные источники: в случае с сочинением Курция Руфа возможна существенная правка текста, а сведения Псевдо-Каллисфена малодостоверны в целом⁴. Более оправданно обращение к «Анабасису Александра» Флавия Арриана – сочинению, пусть и не лишенному неточностей и противоречий, но, тем не менее, являющемуся наиболее ценным источником при изучении военных аспектов Восточного похода⁵. Впервые конные лучники (ἰπποτοξόται) как часть македонской армии упоминаются Аррианом при описании похода Александра на индийское племя аспасиев (Anab. IV. 24. 1). Указанный эпизод относится к начальной фазе Индийской кампании Александра и может быть датирован летом 327 г. до н.э. В дальнейшем Арриан упоминает конных лучников часто. Они присутствуют в его сообщениях об осаде Аорна, (Anab. IV. 28. 8), битве при Гидаспе (Anab. V. 12. 2; 13. 4; 14. 3; 15. 1; 16. 4; 18. 3), походе на племя главсов/главгаников (Anab. V. 20. 3), военных кампаниях против кафеев (Anab. V. 22. 5) и маллов (Anab.

¹ Цит. по Нефедкин 2007, 317–318.

² Thomas 2007, 148; Gabriel 2010, 53.

³ По мнению Д. Хеда, конные лучники, упомянутые Курцием Руфом при описании захвата Персидских ворот, являлись тем же подразделением, что и «скифские лучники», фигурирующие в стратегеме Полиэна, рассказывающей о тех же событиях (См. Polyæn. IV, 3, 27). Исследователь предполагает, что в данном случае речь идет о вооруженных луками «скифских» наемных всадниках, ранее служивших персам (Head 1982, 14). Близкий вывод см. Коннолли 2000, 72.

⁴ Подробнее см. Нефедкин 2007, 317–318.

⁵ Шофман 1976, 10–15; Маринович 1993, 49–52; Bosworth 1976, 117; Milns 1978, 374; Holt 2005, 168; Rhodes 2006, 348; Engels 2006, 14; Heckel 2008, 10.

VI. 5. 5; 6. 1), переходе через Гедросию в Месопотамию (Anab. VI. 21. 3; 22. 1). Это вынуждает принять сторону большинства исследователей, указывающих, что контингент конных лучников появился в армии Александра лишь к началу Индийской кампании, став результатом подчинения среднеазиатских территорий⁶.

Кем же являлись по происхождению (ἰππотоξῶται), влившиеся в македонское войско? Арриан в рассказе о битве при Гидаспе 326 г. до н.э. прямо указывает их этническую принадлежность: среди подразделений, вместе с полководцем переправившихся через реку, упоминаются конница бактрийцев, согдийцев и скифов, а также конные лучники-даи (Δάας τοὺς ἰππотоξῶτας) (Anab. V. 12. 2). Некоторые из специалистов, прямо следуя этому замечанию, полагают, что отряд ἰππотоξῶται был укомплектован исключительно даями/дахами⁷. Другие исследователи, основываясь на специфике развития военного дела Средней Азии в древности, резонно замечают, что луки должны были иметь не только дахи, но и кавалеристы из других народов региона, вошедшие в войско завоевателя⁸. Известно, что в армии Александра в период Индийской кампании, помимо дахов, присутствовали кавалеристы из согдийцев, бактрийцев, паропамисадов, арахотов (Anab. V. 11. 3; 12. 2). В источниках упоминаются и некие «скифы», причем античные авторы отличают их от даев/дахов (Agr. Anab. 12. 2; Curt. VIII. 14. 5; IX. 2. 24. 32). Арриан сообщает о том, что в сражении Александра с Пором участвовала 1 000 ἰππотоξῶται (Anab. V. 16. 4). При этом нельзя принять озвученный в литературе вывод, согласно которому в армии Александра, вторгшейся в Индию, была всего 1 000 экипированных луками всадников⁹, учитывая, что войско в тот момент включало большое количество воинов из подвластных народов и насчитывало, по античным данным, около 120 000 человек¹⁰.

Убедительное решение этой проблемы было предложено А.Б. Босвортом. По его мнению, ἰππотоξῶται, упоминаемые Аррианом, представляли собой состоявший из дахов элитный корпус легкой конницы. Именно это формирование активно использовалось Александром, в то время как остальные иранские и среднеазиатские кавалеристы были задействованы практически лишь в сражении при Гидаспе¹¹. Данный вывод следует признать убедительным, однако необходимо заметить, что если Арриан называет передовой отряд кавалерии Александра в битве при Гидаспе просто «конными лучниками» (τοὺς ἰππотоξῶτὰς) (Anab. V. 15. 1), то у Курция Руфа они обозначены как «скифы и дахи» (Scythae et Dahae) (Curt. VIII. 14. 5). Видимо, из представителей двух указанных этнических групп был сформирован отряд ἰππотоξῶται¹². Есть предположение, что Арриан места-

⁶ См. Шофман 1976, 296; Нефедкин 2007, 318; Brunt 1963, 42; Hamilton 1987, 476; Ashley 1998, 35; Bosworth 2003, 221; Olbrycht 2007, 316.

⁷ Шофман 1976, 296; Tarn 1930, 86; Hamilton 1987, 476; Hammond 1998b, 164; Sidnell 2006, 118; Lonsdale 2007, 56.

⁸ Нефедкин 2007, 318–319; Ashley 1998, 35.

⁹ Tarn 1930, 86; Sidnell 2006, 118.

¹⁰ См. Agr. Ind. 19, 5; Curt. VIII. 5, 4. Наиболее детальные цифры указывает Плутарх, сообщающий о 120 000 пехотинцев и 15 000 всадников (Alex. 66). Критичное отношение к указанной численности армии: Lane Fox 1973, 334; Hammond 1980, 203; Engels 2007, 67; Barceló 2007, 194.

¹¹ Bosworth 2003, 221.

¹² Нефедкин 2007, 318.

ми умышленно, исходя из собственных соображений, не упоминал «скифов» при описании действий конных стрелков Александра¹³.

Существует несколько версий, связывающих упомянутых «скифов» с известными группами среднеазиатских кочевников. Согласно первой из них, «скифами» называли саков¹⁴, по другой – массагетов¹⁵. По предположению, высказанному В.А. Гаибовым и Г.А. Кошеленко, под наименованием «скифы» скрывались так называемые «европейские скифы», жившие за Танаисом-Сырдарьей¹⁶. Последние были представителями самостоятельного политического объединения, занимавшего, по-видимому, значительную часть Притяньшанья¹⁷. Согласиться с версией о том, что «скифы», принимавшие участие в Индийской кампании Александра, являлись засырдарьинскими номадами, нельзя. При упоминании последних античные писатели, как правило, указывали их локализацию и называли просто «скифами» лишь тогда, когда из контекста вытекало, что речь идет именно о засырдарьинских кочевниках¹⁸. Еще более проблематичной выглядит версия о том, что в данном случае под «скифами» понимали саков. Древние авторы, повествующие о походах Александра Македонского, лишь несколько раз упоминают эту группу кочевников, занимавших в их представлении юго-восток Средней Азии¹⁹, и практически ни разу не называют саков «скифами», за исключением одного пассажа, где уточняется, что они – «скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии» (Arr. Anab. III. 8. 3)²⁰. В то же время в источниках при описании борьбы Александра с восстанием Спитамена этноним «скифы» часто синонимично применяется по отношению к массагетам²¹. В связи с этим версия о том, что именно массагеты являлись «скифами», влившимися в армию Александра, выглядит наиболее правдоподобной. Она объясняет и процесс слияния «скифов» с дахами в едином корпусе *ἰπποτοῦξόται*: близкое территориальное соседство и языковое взаимопонимание не создавали трудностей для слаженного взаимодействия в боевых условиях.

Источники, говоря в результатах среднеазиатских походов Александра, упоминают, что дахи, как и другие соседние народы, признали власть македонского царя (Cur. VIII. 1. 7–9; Just. XII. 6. 17). Тем не менее, указания античных авторов и специфика взаимоотношений среднеазиатских кочевников с поздними Ахеменидами позволяют считать, что в армии Александра дахи находились в качестве «союзников», в отличие, к примеру, от бактрийцев и согдийцев, являвшихся подданными²². Это не следует считать признаком слабости новой империи. В период ослабления государства Ахеменидов на рубеже V–IV вв. до н.э. персы, по-видимому, заключили ряд соглашений с различными группами среднеазиатских кочевников, тем самым сохранив их в орбите своего влияния, обезопасив свои

¹³ См. Щеглов 2006, 309–310.

¹⁴ Шофман 1976, 299; Tarn 1948, 164; Bosworth 2003, 221.

¹⁵ Olbrycht 2007, 316.

¹⁶ Гаибов, Кошеленко 2005, 117.

¹⁷ Иванов 2015, 118–119.

¹⁸ Щеглов 2006, 288–289.

¹⁹ Литвинский 1972, 163–164; Пьянков 2013, 493–497.

²⁰ См. Щеглов 2006, 288–292.

²¹ Щеглов 2006, 285–286, 307–309.

²² Подробнее см.: Гаибов, Кошеленко 2005, 123; Нефедкин 2007, 94; Иванов 2014, 283. Отличное мнение озвучено А.С. Балахванцевым, согласно которому включение дахов в состав армии Александра является свидетельством их полного подчинения (Балахванцев 2012, 33).

северо-восточные рубежи и получив возможность вербовки отрядов наемников²³. Александр после покорения Бактрии и Согдианы прибег к аналогичной практике урегулирования взаимоотношений с номадами. Без сомнения, кочевники Средней Азии, как и их соседи-земледельцы, были впечатлены как стремительным крушением империи Ахеменидов, так и разгромом восстания Спитамена и поддержавших его приграничных групп номадов. Это должно было способствовать росту авторитета македонского царя в регионе²⁴, поскольку культ воинской силы и доблести, распространенный в среде кочевников, не мог не стимулировать возникновения определенного почтения к Александру, подтолкнувшего его вчерашних врагов – дахов и массагетов – пойти на службу к македонскому завоевателю в качестве «солдат удачи». Примечательно, что особый правовой статус конных стрелков в армии Александра не оказал негативного влияния на отношение полководца к их боевым качествам. Как справедливо отметил Р. Гейбел, поручение важных боевых задач представителям данного подразделения свидетельствует о высоком доверии Александра к ним²⁵. С другой стороны, нельзя не учитывать и тот факт, что среднеазиатские ἰπποτοξῶται проявили себя как важный компонент македонской армии не на родной территории, а в Индии, где у Александра было больше оснований полагаться на их лояльность²⁶.

Переходя к определению места среднеазиатских конных лучников в структуре армии Александра, необходимо заметить, что к моменту их включения в войско там уже присутствовали новые крупные подразделения конницы – гиппархии. Большинство современных исследователей считают, что они были полностью сформированы к 328 г. до н.э.²⁷ Проблема соотношения процессов реформирования кавалерии и включения восточных всадников в армию Александра в научной литературе затрагивалась неоднократно. Согласно мнению одной группы специалистов, гиппархии на момент своего создания включали в себя конных воинов как европейского, так и азиатского происхождения²⁸. Другие исследователи, опираясь на данные Арриана²⁹, полагают, что инкорпорирование азиатских кавалеристов в гиппархии произошло позже, в 324 г. до н.э., когда Александр пребывал в Сузах³⁰. Глубоко не вдаваясь в доводы сторон, заметим, что постоянное упоминание в тексте Арриана «конных лучников» отдельно от гиппархий гетайров и каких-либо иных кавалерийских подразделений свидетельствует о том, что они были самостоятельной единицей³¹. К сожалению, детальных данных об органи-

²³ Иванов 2016а, 59–60.

²⁴ О том, что Александр Македонский произвел неизгладимое впечатление на жителей Средней Азии, говорит возникновение и стойкое сохранение вплоть до настоящего времени большого количества легенд о нем в регионе (см. Бертельс 1948).

²⁵ Gaebel 2002, 177.

²⁶ Bosworth 2003, 221.

²⁷ Нефедкин 2007, 103–104; Brunt 1963, 30; Heckel 1992, 52, 127; Hammond 1998а, 418; Olbrycht 2007, 316–317.

²⁸ Шофман 1976, 298–299; Коннолли 2000, 72; Griffith 1963, 72; Badian 1965, 161; Ashley 1998, 30–31.

²⁹ См. Anab. VII. 6, 3–5; 8, 2.

³⁰ Нефедкин 2007, 117; Руденко 2008, 21–20; Brunt 1963, 29–30. По мнению А.Б. Босворта, включение восточных всадников в состав гиппархий могло произойти в период пребывания армии Александра в Южной Индии (Bosworth 2003, 221–222).

³¹ Нефедкин 2007, 319; Tarn 1948, 164; Hammond 1998b, 164; Bosworth 2003, 221.

зации корпуса ἰππотоξόται нет. Как уже отмечалось выше, Арриан, рассказывая о битве при Гидаспе, упоминает, что Александр бросил в атаку на индов 1 000 конных лучников (Anab. V. 16. 4). Неизвестно, был это весь корпус ἰππотоξόται или его часть. В ряде случаев тот же автор говорит о задействовании Александром в боевых операциях всех ἰππотоξόται (Anab. V. 20. 2; VI. 6. 1; 21. 3) или их половины (Anab. IV. 24. 1), не указывая численность. Тем не менее, масштаб битвы при Гидаспе, а также терминология источников позволяют полагать, что отдельный корпус ἰππотоξόται действительно насчитывал порядка 1 000 воинов. При необходимости корпус конных лучников мог быть разделен на два отряда по 500 всадников. Примечательно, что в одном из фрагментов Арриан упоминает отряд конных лучников численностью в сотню воинов (Anab. IV. 28. 8). Все это заставляет принять точку зрения А.К. Нефедкина, согласно которой отряд конных лучников Александра был организован по иранским традициям, включавшим, в том числе, десятиричную структуру войска³².

Указанные обстоятельства позволяют полагать, что македонское командование существенно не вмешивалось в вопросы организации и вооружения ἰππотоξόται, доверяясь сложившемуся порядку вещей. Комплекс вооружения и особенности военного дела среднеазиатских кочевников IV в. до н.э. в целом известны достаточно хорошо. Главенствующую роль в наборе вооружения здесь играл сложносоставной «скифский» лук. Близкие его варианты были широко распространены в рассматриваемое время в среде номадов степной части Евразии. Этот лук имел характерную ассиметричную сигмовидную форму: обычно нижнее плечо было несколько короче верхнего, что связывается со стремлением приспособить лук для стрельбы с коня³³. В Средней Азии местные кочевники использовали, предположительно, более крупную разновидность «скифского» лука, нежели классические скифы Восточной Европы. В среднем длина среднеазиатского лука колебалась в пределах 90 см, что вполне хорошо реконструируется по иконографическим данным и находкам из сопредельных регионов³⁴. К луку прилагался разнообразный стрелковый набор. Большая часть наконечников стрел изготавливалась из бронзы, однако в IV–III вв. до н.э. в среде среднеазиатских кочевников постепенно начинают распространяться и железные стрелы. Небольшая часть наконечников была сделана из кости и рога. Наиболее часто встречаются легкие трехлопастные втульчатые и черешковые экземпляры наконечников. Бронзовые трехгранные стрелы составляли меньшую часть в колчаных наборах, что косвенно указывает на то, что среднеазиатскимномадам указанного времени сравнительно редко приходилось сталкиваться с тяжеловооруженным противником³⁵.

Набор средств ведения ближнего боя у среднеазиатских кочевников был вариативнее дистанционного вооружения. В IV–III вв. до н.э. ведущая роль принадлежала кинжалам и коротким мечам³⁶, которые были гораздо удобнее в пешем бою,

³² Нефедкин 2007, 319.

³³ Мелюкова 1964, 14–15; Хазанов 1971, 29–30; Литвинский 1972, 86–87; Черненко 1981, 7–21; Горелик 2003, 59–61.

³⁴ Байпаков 1998, 6, рис. 2, 3; Шульга 2010, 79–80, рис. 38/2, 42/7–9, 48/7.

³⁵ Медведская 1972, 80, 87–88.

³⁶ Кадырбаев 1968, 27–30, рис. 1; Литвинский 1972, 117–118, рис. 40/6, 8; Литвинский 2001, 236–237; Кожомбердиев 1977, 13, рис. 3; Обельченко 1978, 116, рис. 1, 117, рис. 1–2.

чем в конном. Более редкими видами вооружения были длинные всаднические мечи³⁷ и чеканы (клевыцы)³⁸. В отдельных случаях в рассматриваемый период прослеживается применение копий³⁹. Использование защитного доспеха фиксируется достаточно слабо, однако его наличие неоспоримо: об этом свидетельствуют находки частей доспехов в нижнем течении Сырдарьи и иконографические данные из Семиречья и Ферганы⁴⁰. Отмечено его применение и в тесно связанном с кочевниками Хорезме⁴¹. Это были близкие варианты пластинчатого или чешуйчатого панциря с ламеллярными наборными наручами и защитным воротом, возникшие при значительном влиянии ахеменидской традиции. Металлический доспех был редким и элитарным элементом снаряжения кочевого воина, доступным лишь аристократии и близкой к ней профессиональной дружине, а не рядовому номаду. Возможно, более распространены были доспехи из мягких материалов, таких как войлок или кожа. Также применялись легкие и небольшие всаднические щиты, изготавливавшиеся преимущественно из прутьев и кожи⁴². В описании сражения Александра с кочевниками на Сырдарье 329 г. до н.э., оставленном Аррианом, присутствует упоминание стрелы, пущенной македонянами из метательной машины и пробившей одному из представителей «скифского» войска панцирь и щит (τοῦ γέρρου) (Anab. IV. 4. 4). Как отмечает Б.А. Литвинский, судя по используемому в тексте термину, щит мог быть описанной выше конструкции⁴³.

Основой войска среднеазиатских кочевников были легковооруженные конные лучники, имевшие клинковое оружие для ближнего боя. Сравнительно небольшую часть войска, представленную знатью и связанную с ней дружиной, составляли тяжеловооруженные всадники, экипированные помимо луков и стрел полным набором средств рукопашного боя. Характерной чертой ведения боя при абсолютном доминировании кавалерии являлось применение рассыпного строя. Основным приемом ведения атаки, предположительно, была лава⁴⁴. Лишь немногочисленные ударные отряды тяжелой кавалерии могли осуществлять атаку в сомкнутых порядках. Тактические приемы среднеазиатских кочевников были направлены на дистанционное подавление противника. Они стремились окружить или охватить противника полукругом с фронта и флангов, многократно атакуя его. Интенсивные обстрелы сменялись отступлениями и необходимыми перегруппировками в случае попыток врага контратаковать. Так конные лучники пытались нанести максимальные потери противнику. Если последний обращался в бегство или же его численность заметно редела, по нему в некоторых случаях могли нанести удар хорошо экипированные тяжеловооруженные всадники, довершавшие разгром ослабевшего вражеского войска. Пример неудачной попытки использования этой тактики можно обнаружить в действиях засырдарьинских «скифов» в сражении на Сырдарье 329 г. до н.э. Александр не позволил кочевникам держаться

³⁷ Ягодин 1978, 157, рис. 53/5; Иванов 2008, 34–40, рис. 1, 3–6.

³⁸ Литвинский 1972, 120–124, рис. 43/3–8; Иванов 2016b, 875–876, табл. 4/23–25.

³⁹ Левина 1996, 197, рис. 286/15.

⁴⁰ Толстов 1962, 148, 150, рис. 82/а–б; Горелик 1987, 113–116, рис. 4/4, 2/1–2; 2003, 98–99, табл. LIII/17, 18, 21.

⁴¹ Мамбетуллаев 1977, 278–280; Горелик 1987, 114–115, рис. 2, 5; Горелик 2003, 99, табл. LIII/20.

⁴² Литвинский 1972, 128–129; Горелик 1987, 126, рис. 7/6; 2003, 164, табл. LXV/68.

⁴³ Литвинский 2001, 366.

⁴⁴ Блаватский 1950, 24; Литвинский, Пьянков 2013, 129.

на дистанции в решающей фазе сражения, лишил неприятельских конных стрелков возможности использовать преимущества фланговых охватов. Впоследствии полководец навязывал «скифам» рукопашный бой, где решающую роль сыграла тяжеловооруженная македонская кавалерия, поддержанная легкими конными и пешими воинами⁴⁵. Сходную тактику охвата, но на этот раз удачно, применило в сражении на Зеравшане-Политимете войско Спитамена, в тот момент времени в значительной мере состоявшее из отрядов кочевников. В результате крупный отряд македонской армии был уничтожен в бою, носившем преимущественно дистанционный характер⁴⁶.

Говоря о вооружении и тактике ἱπποτοξόται Александра, нельзя не учитывать особенности формирования их отряда. Следует полагать, что наемниками становились преимущественно рядовые представители кочевого общества, движимые не только желанием проявить воинскую доблесть, но и возможностью обогатиться за счет военных трофеев и жалования. Это были легковооруженные конные стрелки, не имевшие значительного набора средств ближнего боя. Конечно, в отрядах кочевников, переходивших на службу к македонскому царю, могли присутствовать и представители аристократии, игравшие роль командиров. Последние, возможно, обладали тяжелым защитным снаряжением и разнообразным оружием ближнего боя, однако их количество и значение на поле боя не следует преувеличивать. А.Б. Босворт замечает, что дахов, вошедших в состав армии Александра, нельзя считать конными лучниками поголовно⁴⁷, однако данные о боевом применении ἱπποτοξόται Александра не дают оснований для утверждений о наличии в их корпусе заметной группы воинов, не имевших в своем арсенале лук и стрелы в качестве основного оружия.

Подразделения ἱπποτοξόται поздно влились в состав македонского войска, а специфика вооружения и тактики превращала их в один из самых экзотичных компонентов армии Александра. Что же стало залогом быстрого инкорпорирования среднеазиатских конных лучников в отборную часть армии Александра? Как известно, у македонского царя присутствовало стремление увеличить количество лучников в своей армии: исследователями отмечается, что контингент пеших стрелков за период от начала азиатской экспедиции до вторжения в Индию вырос в несколько раз⁴⁸. Впрочем, было бы ошибкой связывать включение среднеазиатских конных лучников в число наиболее активно использовавшихся подразделений армии лишь с этой тенденцией. Основная причина скрыта в особых боевых качествах среднеазиатских кочевников и специфике македонского военного искусства эпохи Восточного похода. Необходимо упомянуть давно сложившуюся в историографии точку зрения, согласно которой македонская армия на момент вторжения в пределы Средней Азии была незнакома с манерой ведения войны, характерной для местных номадов⁴⁹. Эта позиция явно ошибочна. В частности, представление о сильных и слабых сторонах кавалерии, экипированной луками

⁴⁵ См. Arr. Anab. IV. 4. 1–9; Curt., VII, 9, 2–14.

⁴⁶ См. Arr. Anab. IV. 5. 3–8; 6, 1–2; Curt., VII, 7, 31–39.

⁴⁷ Bosworth 1995, 279.

⁴⁸ См. Шофман 1976, 295; Bosworth 1988, 264; Heckel 1992, 306; Ashley 1998, 47; Sekunda 2010, 459.

⁴⁹ Цибукидис 1981, 156; Garneau 2013, 5. См. также Holt 2005, 66; Smith 2009, 67.

«скифского» типа, у Александра и его соратников имелось еще до вторжения в Азию. Не следует забывать об опыте борьбы македонян со скифской тактикой, полученный еще в Европе⁵⁰. Речь идет как о войне Филиппа II со скифским царем Атеем 339 г. до н.э., закончившейся полной победой македонской армии⁵¹, так и о военной операции Александра против гетов на берегах Истра-Дуная 335 г. до н.э.⁵² Также для македонских завоевателей не являлось чем-то новым противостояние противнику, использующему принципы «малой войны». Как отмечает Т. Хоу, это заметно при внимательном рассмотрении первых пяти лет полководческой деятельности Александра⁵³. Сильным сторонам военного искусства среднеазиатских народов македонский царь противопоставил свое умение проводить операции силами мобильных корпусов, укомплектованных наиболее боеспособными и подвижными подразделениями кавалерии и пехоты. Эти соединения действовали автономно от остального войска, быстро перемещались, наносили мощные удары по противнику, максимально используя эффект неожиданности. Было бы ошибкой вслед за некоторыми исследователями⁵⁴ воспринимать данную практику как нововведение времен среднеазиатской кампании Александра. Ее применение являлось одной из характерных черт полководческого искусства завоевателя на протяжении всего Восточного похода⁵⁵, однако нельзя не согласиться с тем, что в период военных кампаний на территории Восточного Ирана и Средней Азии македонский царь стал чаще применять подвижные корпуса для самостоятельного решения боевых задач⁵⁶.

В дальнейшем, когда Александр приступил к завоеванию Индии, в состав отборных мобильных корпусов он стал включать и среднеазиатских конных лучников⁵⁷. Именно с участием ἰπποτοξόται в мобильных боевых операциях связано подавляющее большинство их упоминаний в сочинении Арриана, при этом в реальности случаев задействования конных лучников в таких военных предприятиях могло быть гораздо больше. Античные авторы, рассказывая о действиях подвижных корпусов, часто описывали их состав общими фразами. Даже относительно детальный перечень подразделений не может восприниматься как исчерпывающий. В качестве примера упомянем описанное Аррианом разделение армии Александра на начальной стадии вторжения в Индию: автор, казалось бы, подробно перечисляет войска, отправившиеся с царем в земли аспасиев, гуреев и ассакенов, не включая в их число конных лучников (*Anab.* IV. 23. 1), однако в его рассказе о походе Александра на вождя аспасиев ἰπποτοξόται уже упоминаются (*Anab.* IV. 24. 1). Как метко подчеркнуто в научной литературе, роль, которую играли среднеазиатские конные лучники в армии Александра во время Индийской кам-

⁵⁰ Lonsdale 2007, 92.

⁵¹ См. Шелов 1971, 63.

⁵² Согласно известному замечанию Фукидида, пограничные скифам геты имели сходное вооружение и являлись конными лучниками (II. 96. 1).

⁵³ Howe 2015a, 162–165.

⁵⁴ См. Шахермайр 1986, 215; Smith 2009, 67; Holt 2005, 67; Lonsdale 2007, 152.

⁵⁵ Коннолли 2000, 73–74; Gaebel 2002, 194–195. В настоящее время небезосновательно отмечается, что аналогичные методы использовал ранее Филипп II для противодействия подвижным отрядам балканских племен. См. Gabriel 2015, 149–150.

⁵⁶ Шофман 1976, 294–296; Секунда 2004, 14; Нефедкин 2007, 107.

⁵⁷ Bosworth 2003, 221.

пани, можно сравнить с положением элитного корпуса агриан⁵⁸. Действительно, представители балканского варварского племени агриан, не являясь македонянами по происхождению, наряду с лучниками и элитными македонскими подразделениями, такими как гипасписты и кавалерия гетайров, постоянно участвовали в «специальных операциях»⁵⁹. Для участия в военных акциях подобного рода среднеазиатские номады подходили практически идеально. Привыкшие к ведению военных действий в условиях Средней Азии, ἰπποτοξόται Александра являлись настоящими специалистами по организации неожиданных атак и тактическому маневрированию, умели решать достаточно широкий спектр боевых задач, будучи, конечно же, в первую очередь настроены на ведение дистанционного боя. Не менее важно то, что кочевой быт и особенности традиционной военной практики приспособили среднеазиатских номадов к быстрому перемещению на значительные расстояния: как известно, использование мобильных корпусов Александром часто сопровождалось поразительными по скорости маршами, проходившими, в том числе, по труднопроходимой горной или пустынной местности⁶⁰.

Александр и ранее привлекал кавалерию восточного происхождения для участия в мобильных боевых операциях. Речь идет о ἰππακοῦτισταί (конных дротометателях), которые были впервые упомянуты Аррианом при описании кампании Александра против мардов и охарактеризованы как недавно появившаяся в войске македонского царя разновидность кавалерии (Anab. III. 24. 1). Согласно мнению большинства специалистов, ἰππακοῦτισταί являлись иранскими легковооруженными кавалеристами, привлеченными к службе в македонской армии⁶¹. Конные дротометатели, согласно данным Арриана, приняли участие, по меньшей мере, в восьми боевых операциях, проведенных силами подвижных корпусов⁶². Легкая кавалерия, вооруженная дистанционным оружием, была ценна при проведении мобильных боевых операций, количество которых по мере продвижения Александра в глубины Азии возрастало⁶³. Обращает на себя любопытный нюанс – последний фиксируемый в источниках случай боевого применения ἰππακοῦτισταί как части возглавляемого царем подвижного корпуса относится к первой фазе Индийской кампании и связан с переходом через территорию гуреев в земли асакенов (Arg. Anab. IV. 25. 5). Как справедливо отмечает А.К. Нефедкин, в дальнейшем среднеазиатские конные лучники полностью вытеснили всадников-дротометателей из состава экспедиционных корпусов, возглавляемых царем. Данное обстоятельство исследователь связывает с большей дистанцией действия лука и стрел по сравнению с дротиками⁶⁴. Согласившись с важностью указанного преимущества, отметим, что на выбор Александра между иранскими подданными и

⁵⁸ Bosworth 2003, 221.

⁵⁹ Маринович 2010, 238; Griffith 1935, 15; Gaebel 2002, 195.

⁶⁰ Обобщение и анализ данных античной письменной традиции о форсированных маршах подвижных корпусов армии Александра см. Engels 1978, 153–156.

⁶¹ Нефедкин 2007, 302–303; Berve 1926, 151; Tarn 1948, 163–164; Brunt 1963, 28; Garlan 1972, 113; Engels 1978, 152; Wirth, Hinuber 1985, 881; Hammond 1996, 99–103; Olbrycht 2011, 78. Иное мнение см. Bosworth 1988, 271; Gaebel 2002, 176–177.

⁶² См. Anab., III, 24, 1; 25, 6; 29, 7; IV, 4, 7; 17, 3; 23, 1; 25, 5; VI, 17, 4.

⁶³ Нефедкин 2007, 302.

⁶⁴ Нефедкин 2007, 319. О схожих функциях конных дротометателей и конных лучников, а также вытеснении первых вторыми см. Bosworth 2003, 221; Olbrycht 2011, 76.

среднеазиатскими «союзниками» могли оказать влияние и другие причины. Конные дротометатели были вооружены сравнительно небольшим количеством металлических снарядов (в среднем двумя⁶⁵), что ограничивало во времени их применение в бою, в то время как конные лучники могли длительное время, попеременно атакая и отступая, изматывать противника, нанося ему значительный урон. Это обеспечивало возможность их более гибкого использования и предопределило прочное положение в рядах армии Александра.

Переходя к вопросу о тактическом применении ἰπποτοξόται македонским завоевателем, следует заметить, что данные об этом весьма немногочисленны. В частности, в битве при Гидаспе, судя по сообщениям античных авторов, конные лучники приняли участие как минимум в двух боевых эпизодах. Первый из них имел место в самом начале сражения и был связан с отражением атаки индийского авангарда, состоявшего из кавалерии и колесниц. Арриан и Курций Руф упоминают, что Александр первыми бросил на врага конных лучников (по версии Курция Руфа – «скифов и дахов»), за которыми последовала и остальная кавалерия, разгромившая передовой отряд противника (Arr. Anab. V. 15. 1–2; Curt. VIII. 14. 5)⁶⁶. О втором эпизоде сообщает только Арриан, согласно которому 1 000 конных лучников множеством стрел и стремительным натиском привели в замешательство левый фланг индов, после чего здесь атаковал сам Александр во главе кавалерии гетайров, стремясь нанести удар до того как противник опомнится и построит свою конницу (Anab. V. 16. 4). В обоих случаях ἰπποτοξόται, приблизившись к противнику, вели его обстрел, а затем, маневрируя, освобождали место для ударной правофланговой кавалерийской группы Александра, осуществлявшей решительную атаку на уже ослабленного противника⁶⁷. Таким образом, конные лучники при Гидаспе внесли большой вклад в результативность действий всей кавалерии⁶⁸. Здесь наблюдается удачное использование традиционных сильных сторон конницы среднеазиатских номадов, которая эффективно поражала противника на расстоянии, уклоняясь от ответного удара и перегруппировываясь. Индийцы не смогли оказать противодействие конным лучникам Александра. Известно, что вооруженные мощными луками пехотинцы являлись одной из важнейших частей в индийских армиях IV в. до н.э.⁶⁹, однако в битве при Гидаспе они не нанесли сколь-нибудь значительного урона коннице Александра. Как отмечает Курций Руф, кавалерия македонского царя, двигаясь, опережала индийских лучников, которые для выстрела должны были упереть тяжелый лук в землю⁷⁰, в тот день очень скользкую (Curt. VIII. 14. 19). Конные лучники Александра, несмотря на весьма активное участие в битве, понесли сравнительно небольшие потери.

⁶⁵ Head 1992, 33–35, fig. 24, 25/a–c, 28.

⁶⁶ Другие авторы также упоминают, что индийский передовой отряд был разбит конницей Александра (См. Diod. XVII. 88. 1; Plut. Alex. 60). Согласно одной из последних версий, перед нами следы использования данных Клитарха, у Арриана дополненных сведениями Птолемея (Howe 2015b, 32–33). Анализ сведений источников «первой волны» о данном эпизоде см. Bosworth 1995, 287–293.

⁶⁷ Gaebel 2002, 177.

⁶⁸ Позицию М. Ольбрихта, согласно которой иранские конные подразделения (включая лучников) внесли настолько существенный вклад в разгром Пора, что в пору говорить о «македоно-иранской победе» (Olbricht 2010, 360), следует оценивать как излишне категоричную.

⁶⁹ Varua 2005, 12.

⁷⁰ Об этой особенности использования луков индийцами см. Arr. Ind. 16. 6.

Согласно свидетельству Арриана, из ἵπποτοξῶται в битве пали всего 10 человек, при том, что общие потери в коннице составили около 230 (Anab. V. 18. 3)⁷¹. Это указывает на то, что корпус конных лучников принимал участие только в дистанционной части боя.

Второй сохранившийся в источниках относительно подробный рассказ о боевом применении конных лучников относится к более позднему времени и связан с началом сражения Александра с войском индийского племени кафеев у города Сангалы. Согласно Арриану, Александр во главе части сил приблизился к городу и сходу послал ἵπποτοξῶται на врага, расположившегося на холме и укрепившего позицию телегами. Конным лучникам было приказано ездить вперед и назад, засыпая индов стрелами для того, чтобы они не осуществили вылазку до окончания построения войска Александра и понесли потери еще до начала битвы. Далее автор приводит описание самого сражения, закончившегося разгромом полевых укреплений противника и захватом города (Anab. V. 22. 3–24. 5). В битве под Сангалами конные лучники выполнили задачу, несколько отличающуюся от их действий при Гидаспе⁷². В этот раз ἵπποτοξῶται выступили в роли прикрытия: перемещаясь вдоль вражеских укреплений они посредством стрельбы и маневрирования не только нанесли врагу потери, но и не дали ему возможности выйти из-за телег и атаковать войско Александра в период перестроения. Обстрел продолжался немало времени, так как македонский царь не только успел построить для битвы имевшиеся на тот момент подразделения, но и смог включить в боевые порядки подошедших воинов тылового охранения (Anab. V. 22. 6–7). Примечательно, что источник сообщает о большом количестве лучников в войске кафеев. Эти лучники активно проявили себя во время начала активной фазы штурма укреплений Александром (Anab. V. 23. 1). Видимо, воспрепятствовать действиям конных стрелков македонского царя индийские лучники не смогли, как и в битве при Гидаспе, из-за трудностей использования больших местных луков против быстро перемещающейся кавалерии. К выполнению аналогичных задач ἵπποτοξῶται, судя по всему, привлекались Александром неоднократно. Обратим внимание на эпизод, произошедший в период кампании завоевателя против маллов, в рамках которой сам царь непосредственно возглавил корпус, состоявший из гипаспистов, лучников, агриан, таксиса Пифона, всех конных лучников и половины конницы гетайров (Anab. VI. 6. 1). Приближаясь к берегам реки Гидраот, Александр, как сообщает Арриан, во главе кавалерии стремительно двинулся в сторону переправы, приказав пехоте двигаться следом. После пересечения реки македонский царь столкнулся с войском маллов, насчитывавшим около 50 000 человек и построенным в плотные боевые порядки. Указывается, что Александр, не имея пехоты, напал на конницей, скакал кругом, но не шел в рукопашный бой. Противник был отброшен от занимаемых позиций атакой, осуществленной после прибытия агриан, лучников и фаланги (Anab. VI. 8. 4–8). Единственным подразделением конницы, имевшимся у Александра на тот момент и способным наносить врагу потери на дистанции, являлись конные лучники. Последним, очевидно, как и под

⁷¹ Диодор Сицилийский упоминает, что общие потери Александра в кавалерии составили 280 человек (XVII. 89. 3).

⁷² Иное мнение см. Gaebel 2002, 177.

Сангалами, было поручено перемещаться вдоль вражеских порядков и вести обстрел, сковывая действия противника и ослабляя его.

Таким образом, тактика использования конных лучников Александром была разнообразной. Конечно, они не играли роль «первой скрипки» в сражениях, однако не следует принижать значение их действий вслед за У. Тарном, полагавшим, что 1 000 конных лучников были одним из многих вспомогательных отрядов армии Александра и не оказывали существенного влияния на исход боя ввиду ограниченного запаса стрел⁷³. Как показывают археологические данные, запас стрел у кочевников Средней Азии мог быть вполне внушительным (обычно несколько десятков, реже до сотни и более), поскольку опытный воин переносил их как в специальном кармане горита, так и в дополнительном колчане. Конечно, при израсходовании стрел конные лучники Александра должны были отойти, однако, как видно из пассажей античных авторов, к этому времени ἵπποτοξόται обычно успевали выполнить возложенные на них задачи. Использование дальнобойного лука «скифского» типа вкупе с применением характерной для среднеазиатских кочевников тактики давали прекрасные результаты. Служившие Александру ἵπποτοξόται могли организовать массированный обстрел противника, даже по навесной траектории и на значительном расстоянии нанося ему серьезный урон. Сохранились сведения, что рекордная дальность стрельбы из «скифского» лука достигала более 500 м⁷⁴. Конечно, реальная боевая перестрелка не велась на такой большой дистанции. Б.А. Литвинский приводит по этому поводу интересные данные, указывая, что при стрельбе из сложносоставного лука опытный стрелок «добивается стопроцентного попадания на расстоянии 90–270 м, а на дистанции 300 и выше попадание составляет лишь 50 %»⁷⁵. Учитывая то, что в эксперименте, видимо, использовался несколько более мощный лук по сравнению со «скифским», а также то, что в нашем случае стрельба велась с коня и часто в движении, реальные показатели при использовании луков среднеазиатскими всадниками Александра следует считать более скромными. Перестрелка на дальней дистанции по навесной траектории могла вестись по скоплениям неприятеля в пределах 100–150 м, благодаря чему использование нескольких сотен конных лучников против противника, слабо или частично защищенного металлическим доспехом, было весьма эффективным. При стрельбе по прямой траектории в пределах 50–100 м возможность поражения противника существенно возрастала, поскольку обстрел велся уже прицельно⁷⁶. О большой меткости среднеазиатских конных лучников сообщает и античная письменная традиция⁷⁷. Способность осуществлять изнуряющий обстрел противника и маневрировать обусловила то, что Александр поручал среднеазиатским конным лучникам самостоятельное выполнение сложной боевой задачи, заключающейся в сковывании действий противника на время подготовки удара основных сил войска.

⁷³ Tarn 1930, 86.

⁷⁴ В надписи из Ольвии указывается, что Анаксагор, сын Димагора, выстрелил из лука, несомненно, «скифского» типа на расстояние 282 оргии, что оставляет 521,6 м (Мелюкова 1964, 31; Черненко 1981, 138–139).

⁷⁵ Литвинский 2001, 345.

⁷⁶ Черненко 1981, 138–140.

⁷⁷ Подробнее см. Литвинский 2001, 40.

Не боясь преувеличения, можно констатировать, что Александр сумел обеспечить оптимальное применение корпуса ἰπποτοξῶται укомплектованного среднеазиатскими номадами, которые, используя свои традиционные вооружение и тактику, способствовали общему успеху армии на поле боя. Безусловно, это стало возможным благодаря тому, что великий полководец хорошо изучил сильные и слабые стороны конных лучников как противников. В период Индийской кампании среднеазиатские конные лучники стали заметной и важной частью армии самого Александра. Курций Руф, описывая события на Гифасисе, приводит речь, якобы произнесенную Александром перед взбунтовавшимся македонским войском, в которой среднеазиатский компонент армии упоминается в двух местах. В первой части речи македонский царь, описывая возросшую силу армии, указывает на присутствие в ней «скифов», бактрийцев, дахов и согдийцев (Curt. IX. 2. 24). Во втором фрагменте Александр, раздосадованный молчанием войска, замечает: «Я найду того, кто пойдет со мной, которого вы бросили – со мной будут скифы и бактрийцы, недавние враги, теперь наши воины» (Curt. IX. 2. 33)⁷⁸. Конечно, речи в сочинении Курция Руфа в целом, не исключая и рассматриваемую, в большей степени являются результатом риторических упражнений самого автора⁷⁹, однако здесь присутствуют следы использования данных первичной традиции. Что примечательно, Арриан также упоминает слова Александра о том, что найдутся люди, готовые последовать за своим царем добровольно (Anab. V. 28. 2). Видимо, в основе речи, творчески переработанной Курцием Руфом, лежали сведения Клитарха⁸⁰. Оттуда могла быть позаимствована высокая оценка среднеазиатского контингента армии и, в том числе, «скифов» и «дахов»⁸¹, появление которых преподнесено как существенное усиление войска, а упоминание их способности помочь в реализации завоевательных планов использовалось Александром для пробуждения ревности у македонян.

В историографии присутствует мнение, согласно которому инкорпорирование кавалерии из восточных сатрапий, и, прежде всего, среднеазиатских кочевников, способствовало значительному изменению военного искусства Александра, в котором снизилась роль фаланги, были усилены подвижность и маневренность, стали применяться типично «восточные» тактические приемы: внезапное нападение, рассыпной строй, массивные удары и организация преследования⁸². В основе этого заключения лежит крайне упрощенное представление о методах ведения войны, использовавшихся македонянами до вторжения в Среднюю Азию и Индию. Не останавливаясь на этих нюансах пространно, заметим, что Александр ранее демонстрировал блестящее владение теми приемами, которые оцениваются сторонниками рассматриваемого мнения в качестве восточных новшеств. Так, современными исследователями установлено, что продолжительное преследование отступающего противника было характерно для всех этапов полководческой деятельности Александра и, что важно, присутствовало в тактическом арсенале его

⁷⁸ Перевод В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского.

⁷⁹ Маринович 1993, 43; Tarn 1948, 94; Bosworth 1983, 150–161; Nawotka 2010, 316.

⁸⁰ Руденко 2008, 19; Hammond 1983, 151–153.

⁸¹ Заметим, что здесь используются те же этнонимы, что и в описании сражения при Гидаспе.

⁸² Шофман 1976, 296; Цибукидис 1981, 156, 162.

отца Филиппа II⁸³. Классическим примером организации массированного удара, подразумевающего усиление натиска благодаря последовательному введению резервов, можно считать ночную атаку на лагерь иллирийцев под Пелионом в рамках кампании 335 г. до н.э.⁸⁴ Массированная атака была проведена Александром и в ходе уже упоминавшегося сражения Александра со «скифами» на берегах Сырдарьи⁸⁵. Говоря об организации внезапных нападений, заметим, что на протяжении всей полководческой карьеры Александр периодически максимально использовал фактор неожиданности, осуществляя активные наступательные действия в темное время суток⁸⁶. Для осуществления внезапной атаки Александр применял и мобильные корпуса, действующие отдельно от основных сил армии. Македонская практика применения подобного рода соединений не позволяет согласиться и с тезисом о большом снижении роли фаланги после включения среднеазиатского контингента в состав войска Александра. Как отмечает Р. Гейбел, опираясь на данные Арриана, македонский царь практически всегда включал пехоту в состав своих мобильных корпусов, причем чаще всего это были фалангиты в количестве от одного до четырех таксисов⁸⁷. Успешному инкорпорированию среднеазиатских номадов в состав армии Александра способствовала именно то, что македонское войско обладало большой тактической гибкостью, а командование имело богатый опыт проведения боевых операций с использованием подвижных соединений. Правильно оценив потенциал легкой восточной конницы, Александр первоначально привлек к мобильным боевым действиям иранских всадников-дротометалей, а в дальнейшем заменил их среднеазиатскими конными лучниками.

Таким образом, благодаря своим высоким боевым качествам и специфике македонского военного искусства эпохи Восточного похода, номады Средней Азии стали заметным и важным компонентом армии Александра в период его Индийской кампании. Подвижность и хорошее владение дистанционным оружием, свойственные для новых воинов завоевателя, нашли применение и в полномасштабном сражении при Гидаспе, и в ходе многочисленных мобильных операций. Успешное инкорпорирование среднеазиатских конных лучников в армию позволило Александру усовершенствовать до того уже применявшиеся методы ведения военных действий и при этом продемонстрировать новые грани своего полководческого почерка, связанные с эффективным использованием столь нетипичного для Греции и Македонии рода конницы.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков, К.М. 1998: Семиреченские художественные бронзы. *Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан (Сер. общест. наук)* 1, 3–17.
- Балахванцев, А.С. 2012: Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции. *Восток* 1, 29–36.
- Бертельс, Е.Э. 1948: *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*. М.–Л.

⁸³ Wilcken 1962, 171; Strauss 2003, 140–141; Gabriel 2015, 149.

⁸⁴ См. Arr.Anab. I, 6, 9–11.

⁸⁵ См. Arr.Anab. IV, 4, 5–7.

⁸⁶ Об этом: Montagu 2006, 57; Howe 2015a, 165.

⁸⁷ Gaebel 2002, 195–196. Об использовании подразделений фаланги в мобильных боевых операциях см. также Anson 2010, 82–85.

- Блаватский, В.Д. 1950: О стратегии и тактике скифов. *КСИИМК* 34, 19–30.
- Гаиров, В.А., Кошеленко, Г.А. 2005: Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные письменных источников. *ВДИ* 1, 103–127.
- Горелик, М.В. 1987: Сакский доспех. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства*. М., 110–133.
- Горелик, М.В. 2003: *Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.)*. М.
- Иванов, С.С. 2008: Железные всаднические мечи Центральной Азии. В сб.: В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт (ред.), *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Вып. 3. Бишкек, 34–40.
- Иванов, С.С. 2014: Особенности формирования воинских контингентов древних кочевников Средней Азии в сакский период. В сб.: Т.К. Чоротегин (ред.), *Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов. Сборник материалов II международной конференции, посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии*. Бишкек, 281–284.
- Иванов, С.С. 2015: К вопросу об этнической идентификации древних кочевников Притяньшанья в сакский период. В сб.: М.А. Зенько-Немчинова, С.С. Иванов (ред.), *Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека»*. Бишкек, 116–121.
- Иванов, С.С. 2016а: К проблеме взаимоотношений сакских племен Притяньшанья с державой Ахеменидов. В сб.: М.В. Кирчанов (ред.), *Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение*. Вып. 1. Воронеж, 55–62.
- Иванов, С.С. 2016б: Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху. *Мир Большого Алтая* 2 (4.2), 869–885.
- Кадырбаев, М.К. 1968: Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана. В сб.: М.К. Кадырбаев (ред.), *Новое в археологии Казахстана*. Алма-Ата, 21–36.
- Кожомбердиев, И.К. 1977: Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. В сб.: В.М. Плоских, Д.Ф. Винник (ред.), *Кетмень-Тюбе. Археология и история*. Фрунзе, 9–24.
- Коннолли, П. 2000: *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. М.
- Левина, Л.М. 1996: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.* М.
- Литвинский, Б.А. 1972: *Древние кочевники «крыши мира»*. М.
- Литвинский, Б.А. 2001: *Храм Окса в Бактрии. Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте*. М.
- Литвинский, Б.А., Пьянков, И.В. 2013: Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н.э. В кн.: И.В. Пьянков (ред.), *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб., 112–130.
- Мамбетуллаев, М. 1977: Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе. *СА* 3, 278–281.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса)*. М.
- Маринович, Л.П. 2010: Европейские варвары в армии Александра Македонского. В сб.: Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.), *GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М., 235–242.
- Медведская, И.Н. 1972: Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. *СА* 3, 76–89.
- Мелюкова, А.И. 1964: *Вооружение скифов*. М.
- Нефедкин, А.К. 2007: *Конница эпохи эллинизма (военный и социальный аспект)*: дисс... докт. ист. наук. Ставрополь.

- Обельченко, О.В. 1978: Мечи и кинжалы из курганов Согда. *СА* 4, 115–127.
- Пьянков, И.В. 2013: «Саки» (содержание понятия). В кн.: И.В. Пьянков (ред.), *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб, 493–499.
- Руденко, М.Н. 2008: *Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э.*: автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов.
- Секунда, Н. 2004: *Армия Александра Великого*. М.
- Толстов, С.П. 1962: *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Цибукидис, Д.И. 1981: *Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974)*. М.
- Черненко, Е.В. 1981: *Скифские лучники*. Киев.
- Шахермайр, Ф. 1986: *Александр Македонский*. М.
- Шелов, Д.Б. 1971: Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. В кн.: *Проблемы скифской археологии* (МИА 177), 54–63.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. Казань.
- Шульга, П.И. 2010: *Синьцзын в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация)*. Барнаул.
- Щеглов, Д.А. 2006: Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Македонского. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества II (XXVII)*, 276–316.
- Ягодин, В.Н. 1978: Памятники кочевых племен древности и средневековья. В сб.: С.К. Камалов (ред.), *Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта*. Ташкент, 79–198.
- Anson, E.M. 2010: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Badian, E. 1965: Orientals in Alexander's Army. *JHS* 85, 160–161.
- Barceló, P. 2007: *Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Barua, P.P. 2005: *The State at War in South Asia*. Lincoln–London.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I. München.
- Bosworth, A. B. 1976: Errors in Arrian. *CQ* 26.1, 117–139.
- Bosworth, A.B. 1983: History and Rhetoric in Curtius Rufus. *CP* 78.1, 150–161.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 2. Oxford.
- Bosworth, A.B. 2003: Alexander and the Iranians. In: I. Worthington (ed.), *Alexander the Great: A Reader*. London–New York, 208–234.
- Brunt, P.A. 1963: Alexander's Macedonian Cavalry. *JHS* 83, 27–46.
- Engels, D.W. 1978: *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley–Los Angeles.
- Engels, J. 2006: *Philipp II und Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R. E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Garlan, Y. 1972: *La Guerre dans l'Antiquité*. Paris.
- Garneau, A. 2013: “The Heads of Hydra which ever grew again”: Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan. In: *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.

- Griffith, G.T. 1963: A Note on the Hippiarchies of Alexander. *JHS* 83, 68–74.
- Hamilton, J.R. 1987: Alexander's Iranian Policy. In: W. Will, J. Heinrichs (eds.), *Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86*. Bd. I. Amsterdam, 467–486.
- Hammond, N. G. L. 1980: *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge.
- Hammond, N.G.L. 1983: *Three historians of Alexander the Great*. Cambridge.
- Hammond, N.G.L. 1996: Alexander's Non-European Troops and Ptolemy I's Use of Such Troops. *BASP* 33, 99–109.
- Hammond, N.G.L. 1998a: Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC. *Historia* 47, 4, 404–425.
- Hammond, N.G.L. 1998b: *The Genius of Alexander the Great*. L.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Heckel, W. 1992: *The marshals of Alexander's empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2008: *The Conquests of Alexander the Great*. Cambridge.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Howe, T. 2015a: Alexander and “Afghan Insurgency”: A Reassessment. In: T. Howe, L.L. Brice (eds.), *Brill's Companion to Insurgency and Terrorism in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 151–182.
- Howe, T. 2015b: Plutarch, Arrian and the Hydaspes: A Historiographical Approach. In: C. Bearzote, F. Landucci (eds.), *Alexander's Legacy*. Milano, 25–39.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. L.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Milns, R.D. 1978: Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note. *Historia* 27.2, 374–378.
- Montagu, J.D. 2006: *Greek and Roman Warfare. Battles, Tactics and Trickery*. London.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Olbrycht, M.J. 2007: The Military Reforms of Alexander the Great during His Campaign in Iran, Afghanistan, and Central Asia. In: C. Galewicz, J. Pstrusińska, L. Sudyka (eds.), *Miscellanea Eurasiatica Cracoviensia*. Kraków, 309–321.
- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2011: First Iranian military units in the army of Alexander the Great. In: M.J. Olbrycht (ed.), *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 2. Rzeszów, 67–84.
- Rhodes, P.J. 2006: *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Oxford.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Sidnell, P. 2006: *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London–New York.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Strauss, B.S. 2003: Alexander: The Military Campaign. In: J. Roisman (ed.), *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden–Boston, 133–157.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge.
- Thomas, C.G. 2007: *Alexander the Great in his World*. Oxford.
- Wilcken, U. 1962: *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. 9. Aufl. München.
- Wirth, G., Hinuber, O.v. 1985: *Arrian. Der Alexanderzug. Die indische Geschichte*. München–Zürich.

REFERENCES

- Anson, E.M. 2010: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplitae. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Badian, E. 1965: Orientals in Alexander's Army. *The Journal of Hellenic Studies* 85, 160–161.
- Balakhvantsev, A.S. 2012: Dakhi Sredney Azii v epokhu Aleksandra Makedonskogo: dannye narrativnoy traditsii [Dahae of Middle Asia in the age of Alexander the Great: the data of narrative traditions]. *Vostok [Orient]* 1, 29–36.
- Barceló, P. 2007: *Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Barua, P.P. 2005: *The State at War in South Asia*. Lincoln–London.
- Baypakov, K.M. 1998: Semirechenskie khudozhestvennyye bronzy [Artistic Bronzes from the Semirechie]. *Izvestiya Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Ser. obshchest. nauk [Transactions of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social sciences]* 1, 3–17.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I. München.
- Blavatskiy, V.D. 1950: O strategii i taktike skifov [On the strategy and tactics of the Scythians]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture]* 34, 19–30.
- Bosworth, A. B. 1976: Errors in Arrian. *The Classical Quarterly* 26.1, 117–139.
- Bosworth, A.B. 1983: History and Rhetoric in Curtius Rufus. *CP* 78.1, 150–161.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 2. Oxford.
- Bosworth, A.B. 2003: Alexander and the Iranians. In: I. Worthington (ed.), *Alexander the Great: A Reader*. London–New York, 208–234.
- Brunt, P.A. 1963: Alexander's Macedonian Cavalry. *The Journal of Hellenic Studies* 83, 27–46.
- Chernenko, E.V. 1981: *Skifskie luchniki [Scythian archers]*. Kiev.
- Engels, D.W. 1978: *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley–Los Angeles.
- Engels, J. 2006: *Philipp II und Alexander der Grosse*. Darmstadt.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabriel, R.A. 2015: *The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius*. Barnsley.
- Gaebel, R. E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2005: Kochevniki Sredney Azii v epokhu Aleksandra Makedonskogo: dannye pismennykh istochnikov [Nomads of Central Asia in the epoch of Alexander the Great: information from written sources]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 103–127.
- Garlan, Y. 1972: *La Guerre dans l'Antiquité*. Paris.
- Garneau, A. 2013: “The Heads of Hydra which ever grew again”: Alexander the Great's failed counterinsurgency in Afghanistan. In: *The General Sir William Otter Papers. A Publication of the Royal Canadian Military Institute* 4/13, 1–8.
- Gorelik, M.V. 1987: Sakskiy dospekh [Saka armor]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Tsentralnaya Aziya. Novye pamyatniki pismennosti i iskusstva [Central Asia. New memorials of literature and art]*. Moscow, 110–133.
- Gorelik, M.V. 2003: *Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tys. – IV v. do n.oh.) [Weapons of the Ancient East (the 1st millennium BC – 4th century BC)]*. Moscow.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.

- Griffith, G.T. 1963: A Note on the Hipparchies of Alexander. *The Journal of Hellenic Studies* 83, 68–74.
- Hamilton, J.R. 1987: Alexander's Iranian Policy. In: W. Will, J. Heinrichs (eds.), *Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86*. Bd. I. Amsterdam, 467–486.
- Hammond, N. G. L. 1980: *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge.
- Hammond, N.G.L. 1983: *Three historians of Alexander the Great*. Cambridge.
- Hammond, N.G.L. 1996: Alexander's Non-European Troops and Ptolemy I's Use of Such Troops. *BASP* 33, 99–109.
- Hammond, N.G.L. 1998a: Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC. *Historia* 47, 4, 404–425.
- Hammond, N.G.L. 1998b: *The Genius of Alexander the Great*. London.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Head, D. 1992: *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Heckel, W. 1992: *The marshals of Alexander's empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2008: *The Conquests of Alexander the Great*. Cambridge.
- Holt, F. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. London–Berkeley–Los Angeles.
- Howe, T. 2015a: Alexander and “Afghan Insurgency”: A Reassessment. In: T. Howe, L.L. Brice (eds.), *Brill's Companion to Insurgency and Terrorism in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 151–182.
- Howe, T. 2015b: Plutarch, Arrian and the Hydaspes: A Historiographical Approach. In: C. Bearzote, F. Landucci (eds.), *Alexander's Legacy*. Milano, 25–39.
- Ivanov, S.S. 2008: Zheleznye vsadnicheskie mechi Tsentralnoy Azii [The iron cavalry swords in Central Asia]. In: V.A. Kolchenko, F.G. Rott (ed.), *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana [Materials and Research on the Archeology of Kyrgyzstan]* 3. Bishkek, 34–40.
- Ivanov, S.S. 2014: Osobennosti formirovaniya voinskikh kontingentov drevnikh kochevnikov Sredney Azii v saskiy period [Features of formation of military contingents of the ancient nomads of Central Asia in Saka period]. In: T.K. Chorotegin (ed.), *Kyrgyzskiy kaganat v kontekste srednevekovoy gosudarstvennosti i kultury tyurkskikh narodov. Sbornik materialov II mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashhennoy 1170-letiyu obrazovaniya Velikogo Kyrgyzskogo kaganata v Tsentralnoy Azii [The Kyrgyz Kaganate in the context of the medieval statehood and culture of the Turkic peoples. Collected materials of the II International Conference, dedicated to the 1170th anniversary of the formation of the Great Kyrgyz Kaganate in Central Asia]*. Bishkek, 281–284.
- Ivanov, S.S. 2015: K voprosu ob etnicheskoy identifikatsii drevnikh kochevnikov Prityanshanya v saskiy period [On issue of the ethnic identification of ancient nomads of Tien Shan region]. In: M.A. Zenko-Nemchinova, S.S. Ivanov (eds.), *Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashhennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushhegosya uchenogo-etnologa S.M. Abramzona “Kompleksnyy podkhod v izuchenii prirody, obshchestva i cheloveka” [Collection of reports of the international scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the outstanding scientist-ethnologist S.M. Abramzon “An integrated approach to the study of nature, society and man”]*. Bishkek, 116–121.
- Ivanov, S.S. 2016a: K probleme vzaimootnosheniy saskikh plemen Prityanshanya s derzhavoy Akhemenidov [On problem of the relationship between Saka tribes of Tien Shan region and Achaemenid Empire]. In: M.V. Kirchanov (ed.), *Acta Orientalia Voronensia. Voronezhskoe vostokovedenie [Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies]* 1. Voronezh, 55–62.
- Ivanov, S.S. 2016b: Etnokulturnye vzaimosvyazi rannikh kochevnikov Prityanshanya i Altaya v skifo-sakskuyu epokhu [Ethno-cultural relationship of early nomads of the Tien Shan

- region and Altai in the Scythian-Saka era]. *Mir Bolshogo Altaya* [*The World of the Great Altay*] 2 (4.2), 869–885.
- Kadyrbaev, M.K. 1968: Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannego zhelezno-go veka Kazakhstana [Some results and perspectives of studying the archeology of the early Iron Age of Kazakhstan]. In: M.K. Kadyrbaev (ed.), *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [*New discoveries in the archaeology of Kazakhstan*]. Alma-Ata, 21–36.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [*Essays on the Art of Warfare of the Sarmatians*]. Moscow.
- Kozhombardiev, I.K. 1977: Osnovnye etapy istorii kultury Ketmen-Tyube [The main stages of the history of Ketmen-Tyube's culture]. In: V.M. Ploskikh, D.F. Vinnik (eds.), *Ketmen-Tyube. Arkheologiya i istoriya* [*Ketmen-Tyube. Archaeology and history*]. Frunze, 9–24.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. L.
- Levina, L.M. 1996: *Ehtnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e.* [*Ethnocultural history of the Eastern Aral Region. The first millennium BC to the first millennium AD*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1972: *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [*Ancient nomads of "the Roof of the World"*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 2001: *Khram Oksa v Baktrii. T. 2. Baktriyskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste* [*The Temple of the Oxus in Bactria. Vol. 2. Bactrian weapons in the ancient Eastern and Greek context*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A., Pyankov, I.V. 2013: Voennoe delo u narodov Sredney Azii v VI – IV vv. do n.e. [Warfare of the Peoples of Central Asia in 6th – 4th century BC]. In: I.V. Pyankov (ed.), *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti* [*Central Asia and the Eurasian steppe in ancient times*]. Saint Petersburg, 112–130.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Mambetullaev, M. 1977: Rel'efnoe izobrazhenie vsadnika na keramicheskoy flyage iz Khumbuz-Tepe [Relief image of the rider on a ceramic jar from Khumbuz-Tepe]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 3, 278–281.
- Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy (K probleme krizisa polisa)* [*Greeks and Alexander the Great (The problem of the crisis of polis)*]. Moscow.
- Marinovich, L.P. 2010: Evropeyskie varvary v armii Aleksandra Makedonskogo [European barbarians in the army of Alexander the Great]. In: T.N. Jackson, I.G. Konovalova, G.R. Tsetskhladze (eds.), *GAUDEAMUS IGITUR: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova* [*GAUDEAMUS IGITUR: Collection of articles for the 60th Anniversary of A.V. Podosinov*]. Moscow, 235–242.
- Medvedskaya, I.N. 1972: Nekotorye voprosy khronologii bronzovykh nakonechnikov strel Sredney Azii i Kazakhstana [Some issues of chronology of bronze arrowheads of Central Asia and Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 3, 76–89.
- Melyukova, A.I. 1964: *Vooruzhenie skifov* [*Weapon of the Scythians*]. Moscow.
- Milns, R.D. 1978: Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note. *Historia* 27.2, 374–378.
- Montagu, J.D. 2006: *Greek and Roman Warfare. Battles, Tactics and Trickery*. London.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Nefedkin, A.K. 2007: *Konnitsa epokhi ellinizma (voennyi social'nyy aspekt)* [*The cavalry of the Hellenistic period (military and social aspect)*]: diss... dokt. ist. nauk [PhD Thesis]. Stavropol.
- Obelchenko, O.V. 1978: Mechi i kinzhaly iz kurganov Sogda [Swords and daggers from Sogdian kurgans]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet archaeology*] 4, 115–127.
- Olbrycht, M.J. 2007: The Military Reforms of Alexander the Great during His Campaign in Iran, Afghanistan, and Central Asia. In: C. Galewicz, J. Pstrusińska, L. Sudyka (eds.), *Miscellanea Eurasiatica Cracoviensia*. Kraków, 309–321.

- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2011: First Iranian military units in the army of Alexander the Great. In: M.J. Olbrycht (ed.), *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 2. Rzeszów, 67–84.
- Pyankov, I.V. 2013: “Saki” (soderzhanie ponyatiya) [“Saka” (content of the term)]. In: I.V. Pyankov (ed.), *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti* [*Central Asia and the Eurasian steppe in ancient times*]. Saint Petersburg, 493–499.
- Rhodes, P.J. 2006: *A History of the Classical Greek World, 478–323 BC*. Oxford.
- Rudenko, M.N. 2008: *Makedonskaya armiya i massovaya oppozitsiya Aleksandru Velikomu v 334–323 gg. do n.e.* [*Macedonian army and mass opposition to Alexander the Great in 334–323 BC.*]: avtoref. diss... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Saratov.
- Sekunda, N. 2004: *Armiya Alexandra Velikogo* [*The Army of Alexander the Great*]. Moscow.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Shachermeyr, F. 1986: *Alexandr Makedonskiy* [*Alexander the Great*]. Moscow.
- Shcheglov, D.A. 2006: Kochevye narody sredney Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo [Nomadic peoples of Central Asia, according to historians of Alexander the Great]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshhestva* [*Transactions of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society*] II (XXVII). Saint Petersburg, 276–316.
- Shelov, D.B. 1971: Skifo-makedonskiy konflikt v istorii antichnogo mira [Scythian-Macedonian conflict in the history of the ancient world]. In: *Problemy skifskoy arkheologii* [*Problems of Scythian Archaeology*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on Archaeology of the USSR] 177), 54–63.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Alexandra Makedonskogo* [*The Eastern policy of Alexander the Great*]. Kazan.
- Shulga, P.I. 2010: *Sin' tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebalnye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [*Xinjiang in the 8th–3rd centuries BC. (Burial complexes. Chronology and periodization)*]. Barnaul.
- Sidnell, P. 2006: *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London–New York.
- Smith, M. 2009: The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana. *Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies* 8, 64–72.
- Strauss, B.S. 2003: Alexander: The Military Campaign. In: J. Roisman (ed.), *Brill's companion to Alexander the Great*. Leiden–Boston, 133–157.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge.
- Thomas, C.G. 2007: *Alexander the Great in his World*. Oxford.
- Tolstov, S.P. 1962: *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta* [*Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes*]. Moscow.
- Tsibukidis, D.I. 1981: *Drevnyaya Gretsiya i Vostok. Ehllinisticheskaya problematika grecheskoj istoriografii (1850–1974)* [*Ancient Greece and the East. Hellenistic problems in Greek historiography (1850–1974)*]. Moscow.
- Wilcken, U. 1962: *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. 9. Aufl. München.
- Wirth, G., Hinuber, O.v. 1985: *Arrian. Der Alexanderzug. Die indische Geschichte*. München–Zürich.
- Yagodin, V.N. 1978: Pamyatniki kochevykh plemen drevnosti i srednevekovya [Memorials of nomadic tribes of Antiquity and the Middle Ages]. In: S.K. Kamalov (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura yugo-vostochnogo Ustyurta* [*Ancient and medieval culture of southeast Ustyurt*]. Tashkent, 79–198.

“WITH ME WILL BE THE SCYTHIANS...”: CENTRAL ASIAN MOUNTED ARCHERS IN ALEXANDER THE GREAT’S ARMY

Alexander A. Kleymenov, Sergey S. Ivanov

Tula State Lev Tolstoy University, Tula, Russia

alek-klejmenov@yandex.ru

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

sak@yandex.com

Abstract. The article deals with a contingent of mounted archers, who presented in the army of Alexander the Great during his Asian campaign. It is determined that the appearance of a new kind of cavalry in the invader’s army was the result of the subordination of the Central Asian territories. A group of mounted archers, who played a prominent role in the Indian campaign of Alexander, should be re-adopted as a selective unit, staffed by the Dahae and Massagetae, Central Asian nomads who joined the army of the Macedonian king as mercenaries. A thousand squad of these riders, equipped with bows of the “Scythian” type and blade weapons, quickly incorporated into Alexander’s army, becoming one of the most frequently used troops along with Macedonian infantry, cavalry of the *hetairoi* and the Agrianae. The guarantee of this was the high fighting qualities of the cavalry of Central Asian nomads and the peculiarities of Alexander’s military art, in which the use of mobile hulls equipped with the most combat-ready and mobile units was of great importance. During the period of the Indian campaign, mounted archers began to be included in such troops. The tactics of using the latter was based on the traditionally strong sides of the Central Asian lightly armed cavalry, such as maneuverability and excellent archery. In the Battle of Hydaspes, 326 BC, the mounted archers, intensively firing at the enemy, weakened him before the decisive attack of the shock heavy cavalry Alexander. Central Asian nomads were repeatedly used to hinder the actions of the enemy during the regrouping of Alexander’s troops. However, the inclusion of mounted archers in the army of the conqueror did not lead to a significant change in the military art of Alexander, but it allowed improving already well-mastered methods of conducting military operations.

Keywords: Alexander the Great, warfare, tactics, mounted archers, Scythians, Dahae, Massagetae
